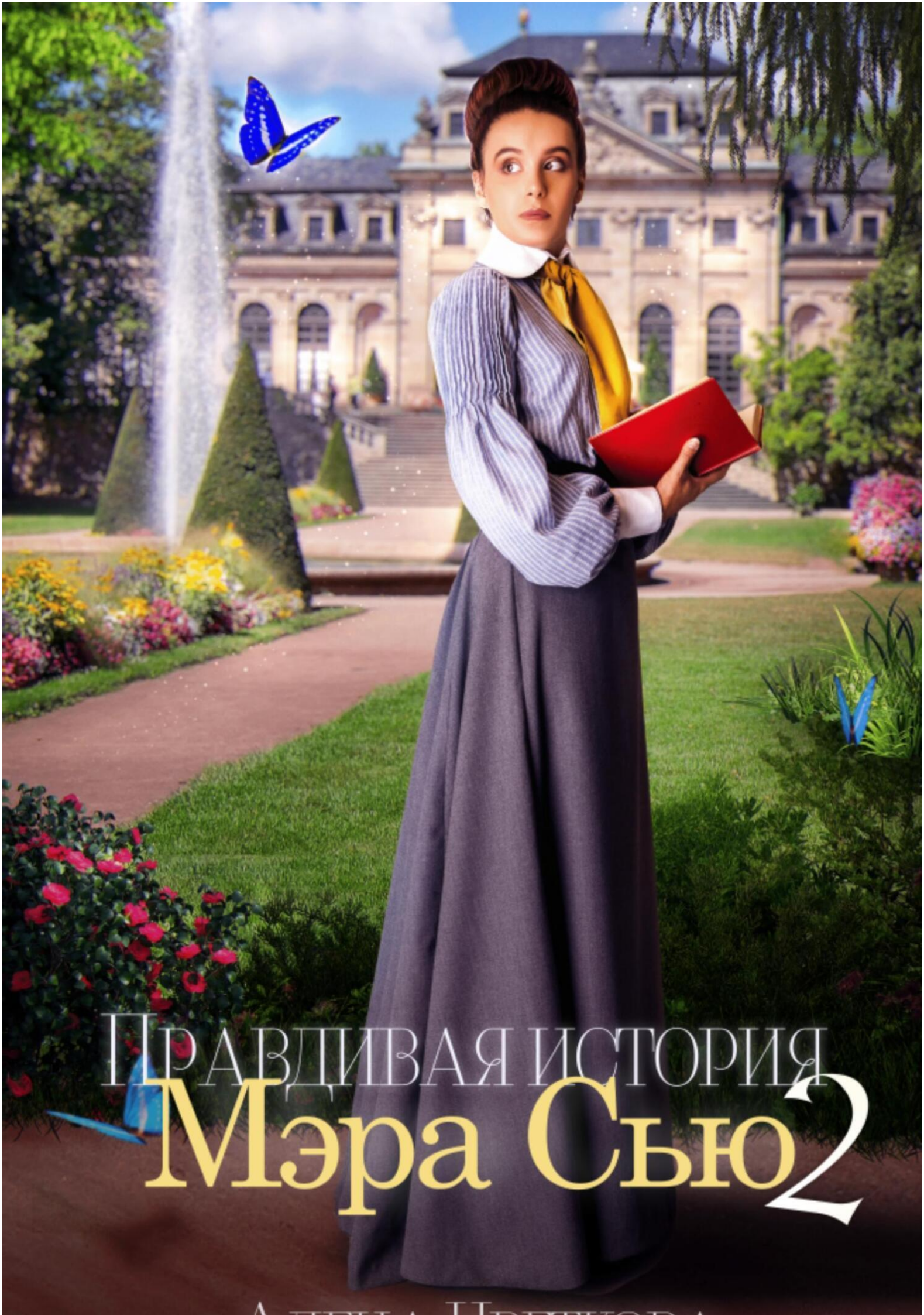

Правдивая история
Мэра Сью 2

Алёна Цветкова

Правдивая история Мэра Сью – 2

«Автор»
2025

Цветкова А.

Правдивая история Мэра Сью – 2 / А. Цветкова — «Автор», 2025

Прошло всего три месяца, как я попала в Большой Куш, а у меня уже есть верные друзья, любимый и даже бизнес.Вот только до приезда проверяющих королевского казначейства осталось совсем мало времени. И если я не верну в бюджет города украденные фон Байроном деньги, то моя сказка закончится очень печально.Но я не из тех, кто сдается на половине пути.

© Цветкова А., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 15
Глава 5 21
Глава 6 26
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Алёна Цветкова
Правдивая история Мэра Сью – 2

Глава 1

– Сью, – еле слышно прошептал ветер за окном моей спальни.

Я валялась на постели и листала документы, которые нашла сегодня в архиве. Это была одна из тех папок, что побывали в руках Алмоса, с договорами, заключенными около пяти сотен лет назад, в самые первые года существования Большого Куша.

– Сью, – шепот за окном стал чуть громче. Я подняла голову от бумаг и огляделась. Никого. Странно… Наверное, показалось.

Сегодня я впервые за много дней осталась одна. Харашу пришло письмо от отца, в котором тот требовал немедленно явиться пред его светлые очи. Сплетни о том, что после смерти родителя старшие братья выгнали Хараша из дома не подтвердились.

Отец был жив-здоров, старшие братья, которых было аж трое, младшенького любили и, конечно же, никуда его не выгоняли. Наоборот, всячески отговаривали неразумного, по их мнению, молокососа, от переезда в Большой Куш. Но Хараш сказал, что просто не мог оставаться дома, где его задушили родительской заботой, и в один прекрасный момент взбрыкнул и сбежал.

Немного помотался по Ардону, посмотрел на разные чудеса и красоты, а потом приехал и осел здесь, как и обещал братьям. Этот город давно привлекал его свободными нравами и вольницей.

– Сью…

Я вскочила. Теперь я была уверена, что меня кто-то позвал. Было еще достаточно светло и я не испугалась. Подскочила к окну и высунулась наружу.

– Эй! – крикнула я, – кто здесь?!

Но никто не отозвался. Я захлопнула оконные створки. За три месяца, которые прошли после моего появления в этом мире, в Большом Куше стало намного безопаснее, хотя я не приложила для этого никаких усилий. Все получилось как-то само собой.

Горожане перезнакомились, сдружились, и стало как-то неловко нападать на тех, кого знаешь. И хотя по ночам народ до сих пор ходил с оглядкой, но все же с тем, что было раньше, не сравнить. Это мне тетка Лауша рассказала. А она-то оказывается в самых трущобах жила. На берегу реки, там, где я должна была построить мост.

Я вздохнула. Проклятый мост продолжал висеть на моей головой, как дамоклов меч. Все меньше времени оставалось до приезда проверяющих из казначейства, а все еще не могла подступиться к решению этой проблемы.

Все, что мы зарабатывали в парке развлечений, уходило на этот парк. Мы окончательно расчистили все заросли, вырубили сухие и лишние деревья, выкорчевали кусты, разметили дорожки. В ближайших планах было замостить дорожки и сделать новый забор по периметру парка, потому что старый местами уже развалился.

Людей в парке всегда было много. В будни там собирались дети со всего города. Играли на бесплатной детской площадке, носились по недоделанным дорожкам, оглашая окрестности радостными воплями и мешая садовникам и строителям. В выходные отдыхать приходили семьями. Эти дни приносили больше всего дохода и нам, и владельцам киосков общепита. Они, кстати, были очень довольны продажами. Интерес к иномирным блюдам не утихал, тем более местные жители тоже оказались не дураки, и быстро разнообразили рецепты. И теперь сахарную вату делали разных цветов, для этого нужно было всего лишь добавить пищевой

краситель в сахар. Чипсы делали не только картофельные, но и из местного корнеплода, похожего на брюкву. Мне этот вариант понравился даже больше. А в карамель стали окунать не только яблоки, но и другие фрукты и даже овощи. Оказалось помидорки-черри в карамели тоже очень вкусно. А еще по личной просьбе главы департамента чревоугодия вместо карамели стали использовать шоколад. Для местных это было дороговато, но все же покупатели находились и на такой деликатес.

Фабрика тоже работала просто отлично.

За месяц мы вышли на максимальную мощность, и сейчас подумывали о том, чтобы начать работать в две смены. Макароны оказались очень востребованным продуктом. Горожане привыкли к ним мгновенно и скупали все, что мы производили почти сразу. Первую неделю даже образовался небольшой дефицит, потому что народ ел макароны три раза в день: на завтрак, обед и ужин.

Самое любопытное, что макароны покупали, как самые бедные, так и самые богатые жители Большого Куша. Просто одни ели отварные макароны с сыром, а другие – макароны в сливочном соусе с тунцом. Благо рецепты в поваренной книге Луиша были на любой вкус.

Но все прибыли пока уходили на фабрику. Мы очень спешили с открытием, поэтому ремонт сделали только в цехах, а все вспомогательные помещения так и остались в полной разрухе. И сейчас мы штукатурили и белили комнаты отдыха для рабочих, подсобки, склады… а потом нам нам надо было выровнять и замостить весь фабричный двор.

Лето в Большом Куше очень длинное и почти без осадков, но каждую осень начинался сезон дождей. В наследство от прежнего хозяина фабрики нам достались дороги с колеями по колено. И их тоже надо было успеть отремонтировать в самые ближайшие месяцы.

Деньги перестали быть для нас троих проблемой еще тогда, когда заработала пиццерия. Но отложить на будущее пока не получалось. И уж тем более не шло речи, чтобы скопить достаточно для строительства моста. Наш бизнес, без всякого сомнения прибыльный в самом ближайшем будущем, пока жрал деньги в три горла.

Но самым лучшим результатом всей нашей работы было то, что сами жители Большого Куша засучили рукава. За этот месяц очень многие горожане решились открыть свое дело. В парке появились киоски не только с едой, но и забавными игрушками и сувенирами.

Первым продавать игрушки в парке решился сын тетки Лауши, который унаследовал от отца талант резчика по дереву, а от матери добродушный нрав. Дела у него пошли так хорошо, что рядом тут же появились другие мастера, которые принялись вырезать, шить, вязать и всеми способами мастерить детские игрушки. А когда я подсказала им идею сувениров, в продаже появились сундучки с золотыми монетами и надписью «Большой Куш».

Когда я впервые увидела эти сувениры, не могла не пошутить, мол, если погладить сундучок по крышке, то непременно, очень скоро на вас упадет дождь из золотых монет.

Мои слова сразу подхватили. Каждый житель тут же захотел себе такой денежный сувенир. И даже в кабинете фон Байрона появился тяжелый бронзовый сундук украшенный самоцветными камнями, в котором лежали самые настоящие золотые монеты. И Хараш, по секрету признался, что мой заместитель регулярно поглаживал крышечку.

А по соседству с нашей пиццерией появилась Макарония. Там подавали блюда из макарон. И посетителей в Макаронии было ничуть не меньше, чем в пиццерии. К тому же мы не чинились и объединили наши уличные кафе в одно большое пространство. Хозяйкой Макаронии стала Проша. Та самая женщина, которая соревновалась с Луишем в готовке. За это время они так сдружились, что муж Проши даже немного ревновал. Без каких-либо оснований. К сожалению. Мне иногда казалось, что из Проши и Луиша получилась бы отличная пара.

Но Проша очень любила мужа. А он ее. И несмотря на ревность, Михша, Прошин муж, во всем поддерживал любимую. Он даже ушел с работы, чтобы присматривать за ребенком, пока жена готовила самые вкусные макароны в мире.

Первое время мужчины Большого Куша над ним посмеивались, мол, мужик в юбке, фартук напялил, еще бы титьку прицепил. Но потом, когда Макарония заработала, шутки быстро стихли. В финансовом вопросе семья только выиграла. У Михши не было особых талантов, он работал простым подмастерьем у гончара и его заработки не шли ни в какое сравнение с доходами Проши.

Я плюхнулась на кровать и, захлопнув папку с документа, рассмеялась. Наверное, Михша стал первым мужчиной во всем Ардоне, который пошел в отпуск по уходу за ребенком до полутора лет вместо своей жены. Кстати… Потянулась за записной книжкой, которая лежала тут же рядом, и, открыв ее с другой стороны, записала: «декретный отпуск и пособия по уходу за ребенком».

Было бы неплохо организовать такие выплаты в Большом Куше. Для начала хотя бы самым бедным, тем кто больше всех нуждается в социальной помощи. Я коротко расписала основные постулаты такой помощи.

У меня собралось уже много разных идей, которые можно было бы воплотить, чтобы сделать жизнь в городе чуточку лучше. Пусть даже я сама ничего не успею, слишком мало времени у меня осталось до казначейской проверки, но все свои наработки я хотела оставить для того, кто придет после меня. Поэтому писала я не на русском, а на местном. Алмос был не прав, когда делал записи на языке своего мира. Если бы я могла прочитать то, что он выяснил о прошлом… Эх…

Закончив с документами, я еще немного повалялась на постели, глядя в потолок. Уже совсем стемнело, пора было спать. Завтра в обеденный перерыв у меня была назначена очень важная встреча с главой департамента спекуляций фон Зиффеном.

Оказалось, что этот департамент курирует не торговлю на биржах ценными бумагами, как я думала, а просто всю торговлю в городе. Видимо, герцог Буркингемский по старой советской традиции считал всех торговцев спекулянтами и поэтому так обозвал отдел в мэрии.

Встреча с Форешем фон Зиффеном, о которой еще месяц назад просил Велдиш, глава департамента чревоугодия, постоянно откладывалась. То у меня не было времени, то у него. И вот, наконец. звезды сложились как надо.

Мне было очень интересно, чего же хочет фон Зиффен. Тем более заочно, он уже показал лояльность ко мне и моим задумкам. Заявки на открытие торговых точек в парке развлечений он подписывал быстро и за чисто символическую плату. Совсем без взяток он все же не смог. Не принято было такое в Большом Куше.

Я зевнула… Полистала блокнот, вчитываясь в строчки со своими идеями… Надеюсь, что-то из этого пригодиться на завтрашней встрече. Больше всего я надеялась на супермаркет. Если фон Зиффен захочет узнать что-то о торговле в моем мире, мне будет что ему предложить.

Глава 2

Глава департамента спекуляций – жуликоватый мужчина лет тридцати с хвостиком, с шустро бегающими глазками, в присутствии которого захотелось спрятать все ценные вещи, оказался весьма странным.

Я пришла в Пиццерию, где была назначена встреча, сбежав из архива на несколько минут раньше обеда. Думала, успею перекусить, пока не придет мой собеседник. Но не тут-то было. Луиш сказал, то фон Зиффен пришел около часа назад. Занял самый дальний столик в углу, которые не просматривался от входа, и, заказав кусок пиццы и кружку лимонада, так и не притронулся ни к тому, ни к другому. Подобное пренебрежение к еде оскорбило моего друга до глубины души.

– Мэр Сью, – фон Зиффен в широкополой шляпе, надвинутой на лицо, и в плаще с высоким воротником сидел, вжимаясь в угол, как будто бы старался, чтобы его никто не заметил, – Я здесь! Идите сюда! – сдавленным шепотом позвал он меня к себе.

А когда я подошла, недоумевая, что случилось с человеком, который в стенах мэрии, где мы договаривались о встрече, показался мне вполне адекватным, заявил:

– Здесь так много народу! И все на меня смотрят, узнают…

Я мысленно хмыкнула, мол, кому он нужен, но кивнула. Мало ли какие тараканы у людей в голове. Раньше фон Зиффен не казался мне настолько стеснительным. Но может у него фобия?

– Вам не жарко? – поинтересовалась я, присаживаясь за стол. Лето было в самом разгаре, и я каждый день мечтала ввести в городе новую моду и укоротить юбки хотя бы до колен. Но руки до этого пока не дошли, и приходилось носить макси.

– Мне приходиться прятаться от людей, – сокрушенно вздохнул фон Зиффен. – Должность, знаете ли, известность…

Я снова кивнула… Сомневаюсь, что народ пришел бы в экстаз, увидев живого главу департамента спекуляций, но ладно. В каждой избушке свои погремушки.

Луиш, недовольно сверкая глазами в сторону главы департамента спекуляций, подошел к нашему столику и поставил передо мной тарелку с куском пиццы и кружку лимонада. Обиженно взглянул на фон Зиффена, который при приближении моего друга, еще плотнее закутался в плащ и еще ниже надвинул шляпу.

– Невозможно никуда выйти, – сообщил он мне, когда Луиш отошел. – Видели, как он на меня смотрел?!

Я только кивнула и принялась жевать пиццу. Ну, чистый псих, этот фон Зиффен. Только не понятно, то ли у него мания величия, то ли мания преследования.

– Меня узнают с детства, – фон Зиффен сдвинул шляпу на затылок и мазнул по мне взглядом, слегка задержавшись на серьгах, подаренных Харашем. – мой отец был самым известным в Ардоне вором. Но он всегда мечтал, чтобы я не обносил дома богатых, а сам был таким богачом, чтобы жить в таком доме.

И он отправил мальчишку сначала учиться в столицу, а потом и работать в мэрию. Конечно же, навыки незаметно забрать что-нибудь нужное, ему пригодились на этой работе не меньше, чем образование. И господин фон Зифен быстро пошел вверх.

Он чем-то страшно напоминал Виршу, были между ними существенное отличие. Фон Зиффен прекрасно понимал, что банальное воровство не всегда самый легкий и дешевый способ получить желаемое. Иногда выгодные заключить сделку и честно следовать договору.

– Понимаете, мэр Сью, – он снова машинально пробежал глазами по мне, на короткое мгновение задержавшись на сережках, – Велдиш рассказал мне, что благодаря вашим идеям, он смог немного похудеть, не отказывая себе во вкусной пище… Еда – страсть Велдиша, и он

не в состоянии отказаться от нее, даже зная, что неуемное чревоугодие грозит ему проблемами со здоровьем.

Не знаю, что надо было ему от меня, но начал он очень издалека. Я уже полчаса молча слушала и кивала, сжимая в руках пустую кружку, лимонад из которой я выпила еще в самом начале длинного рассказа фон Зиффена о своей жизни. Я боялась поставить кружку на стол. Если мои руку будут свободны, то я первым делом сниму серьги и спрячу их куда-нибудь подальше. Уж очень часто они привлекали внимание главы департамента спекуляций, его взгляд то и дело задерживался на искрящихся камушках.

– Вот и у меня есть такая страсть, – тяжело вздохнул фон Зиффен, – и если вы поможете мне исполнить самую большую в моей жизни мечту, то я с радостью встану на вашу сторону в споре с господином фон Байроном…

– Но я и не собиралась спорить с господином фон Байроном, – возразила я. – Всем известно, я всего лишь формальный мэр, но на самом деле городом управляет он.

– Мэр Сью, – поморщился фон Зиффен, – городом сейчас не управляет никто. Господин фон Байрон занимается исключительно личным обогащением. Как и вы, впрочем. Но в отличие от вашего заместителя, который просто забирает деньги из городской казны, вы их зарабатываете. И мне, признаюсь честно, ваша позиция нравится гораздо больше. И для города вы за эти месяцы сделали гораздо больше, чем фон Байрон за всю свою жизнь.

Я ничего не ответила. Посмотрела на дно пустой кружки, вздохнула… В чем-то фон Зиффен был прав. Да, что уже там, фон Зиффен во всем был прав. Беда Большого Куша не в том, что человек, который им руководит, думает о личном обогащении, это в общем-то нормально. Все люди в первую очередь думают о себе. Беда в том, что обогащается он, забирая деньги из казны города и ничего не давая взамен.

Он как будто бы берет деньги из тумбочки, не понимая, что тот, кто их туда положил, сделал это не просто так, а для того, чтобы в городе были хорошие дороги, чтобы не текли крыши, работали поликлиники, больницы и школы, чтобы в городе было безопасно… А фон Байрон об этом даже не задумывается. Он считает, что горожане платят налоги в казну города просто так, потому что все так делают. А король? Зачем ему мост в Большом Куше, если он здесь ни разу не был? Незачем… А значит можно забрать бабки себе… ну, не лежать же им в тумбочке, то есть казне города, без дела.

Между тем фон Зиффен продолжал свой рассказ, наконец-то приблизившись к самой сути:

– Больше сего на свете, мэр Сью, я мечтаю о славе великого певца… моя жена говорит, что я недурно пою. А она, – он вскинул палец и многозначительно потряс им в воздухе, – в молодости пела в хоре! Несколько лет назад я даже ходил на прослушивание в оперу в столице. Но там не поняли моего таланта и отказали! Им нужны теноры, а у меня роскошный бас! Вот послушайте, – и фон Зиффен пропел какую-то ноту.

Я захлопала ресницами от удивления. Ну, я конечно, не специалист… Но роскошный бас ни с чем не спутаешь. То, что я услышала совсем не было на него похоже. Впрочем и на роскошный тенор – тоже. Больше всего это было похоже на кошачий вопль. Когда животное нечаянно придавили дверью.

Так показалось не только мне. Все посетители насторожились и начали озираться по сторонам. А Луиш выглянул в зал, нахмурился и пошел искать несчастного кота.

– Видите?! – довольно выдохнул фон Зиффен. – Все в восторге от моего пения! И я мечтаю, выступать на сцене, чтобы все оценили мой талант, чтобы мое имя знали в каждом уголке Ардона, чтобы в честь меня называли детей, чтобы девушки плакали ночами в подушку, мечтая об одном только моем взгляде.

– Но зачем вам это?! – удивилась я.

– Хочу, – пожал плечами фон Зиффен. – Я всю жизнь этого хотел… Да, я понимаю, звучит немного пафосно. Но я на многое готов ради того, чтобы моя мечта сбылась.

Я смотрела на фон Зиффена выпучив глаза от удивления. Даже если забыть про его «исключительный талант», он уже сейчас прячется от людей, то что будет, когда его реально начнут узнавать на улицах и бегать за ним толпами?

– Вы уверены, что вам это нужно? – Еще раз спросила я. Вдруг я что-то неправильно услышала, оглушенная несравненным пением фон Зиффена. И попыталась убедить, что ему это вовсе и не нужно. – Вы представьте на минутку, вам придется прятаться от навязчивых поклонников, вас будут одолевать любопытные, ваш дом будут осаждать сотни девиц, которые захотят непременно попасть к вам в постель, про вас будут сплетничать, смешивая каплю правды и тележку лжи… а это еще здесь нет папараци! Представляете, они лезли бы к вам в окна, копались бы в вашем мусоре, лишь бы найти что-нибудь такое, чем можно шокировать общественность!

Пока я говорила, глаза фон Зиффена разгорались все сильнее. Он смотрел на меня так, как Велдиш, когда я рассказывала о кулинарных изысках нашего мира.

– Да! Да! Да! – восклицал он после каждого моего предупреждения, – я хочу, чтоб было так, мэр Сью! Вы можете помочь мне добиться такой славы? А преследователи… я уже привык от всех прятаться.

Я категорически не понимала этого человека. Категорически!

Вздохнула… Поставила таки кружку на стол… Тоскливо оглядела пиццерию. И сказала:

– Мне надо подумать. Я сообщу вам о своем решении завтра утром.

Я, конечно же, не обиралась соглашаться. Но если даже столичный театр отказал ему потому, что им не подошел «роскошный бас» фон Зиффена, то мне тем более не стоило говорить правду: никто не называет пением кошачьи вопли. А вот так сходу придумать весомый повод для отказа я не смогла. Я же не директор театра.

А фон Зиффен, услышав мои слова, расплылся в довольной улыбке:

– Очень рад, мэр Сью, что мы с вами договорились. А-то, признаюсь, я планировал провести выездную проверку на вашей фабрике… Поговаривают, что вы продаете макароны с нарушением законодательства. Я, конечно, не сомневаюсь, что у вас все хорошо, но не отреагировать на жалобу не могу…

Меня аж перекосило. Я растянула губы в улыбке, пытаясь замаскировать кислое выражение лица. Вот мерзавец. С него станется устроить нам с друзьями «хорошую» жизнь. И я решила…

– Хорошо, – кивнула я. – Тогда не вижу смысла откладывать. Давайте проведем первую репетицию уже сегодня. С вас место, музыканты и танцоры. А я подумаю, как сделать так, чтобы люди вас слушали.

– Отлично, – фон Зиффен засиял, звезда, – я рад, что мы поняли друг друга.

Глава 3

Я перебирала бумаги в архиве, но новая задача никак не шла из головы.

Нет, если бы дело было в нашем мире, у фон Зиффена не было бы никаких проблем. Сделать звезду из человека, который вопит, как кошки на крыше? Ерунда! Аппаратура сейчас такая, что и из кошачьего пения можно склеить отличную фонограмму.

Но здесь, в Большом Куше, такое не провернуть никак. Возможно, если бы герцог Буркингемский все еще оставался призраком, можно было бы попробовать сделать какой-нибудь патефон и пластинки вместо фонограммы. Ну, и пусть бы вся «аппаратура» исчезла бы сразу после выступления. Главное, фон Зиффен смог бы выступить. Открывал бы рот и прыгал по сцене.

Нет, прыгать по сцене ему не пошло бы. Не ложилась внешность фон Зиффена на амплуа поп-звезды. Тут ведь как: молодые мальчики поют одно, брутальные мужчины – другое, а воры – шансон.

Я мысленно представила главу департамента спекуляций на сцене поющего блатные песни. Картинка получилась довольно неплохая. Если бы у фон Зиффена был голос… Но его не было. Если он замяукает прямо на сцене, зрители сбегут при первых же звуках!

Хотя… Я переодела воображаемого фон Зиффена в белые кроссовки, широкие джинсы с очень низкой посадкой, в футболку овер-сайз, навесила на шею толстые золоте цепи, нацепила на пальцы массивные перстни, на нос черные очки, а на голову бейсболку… Идеально! Перед моим взором предстал самый настоящий рэпер.

И петь совсем не надо… Ну, почти. К тому же этот музыкальный стиль, тоже вышел из маргинальной среды городских улиц. И излишнее самохвальство фон Зиффена отлично впишется в концепцию.

Я рассмеялась. Кажется, мне удалось решить совершенно непосильную задачу. Да, в Ардоне нет кроссовок, и джинсы здесь пока не придумали, и солнцезащитные очки, думаю, в дефиците. Но ведь и правил жестких нет. Надо просто приукрасить привычную в Большом Куше уличную одежду. Самое главное побольше украшений, и этот образ придется по сердцу всем «виршам».

И песни надо сделать такие же. Чтобы они отзывались в сердце каждого горожанина. Казино, проститутки, выпивка… Все, что считается признаком хорошей жизни в Большом Куше, как и на тех улицах, на которых зародился рэп.

Тем временем мысленный рэпер перенесся на сцену перед парком у Великой стены и задвигался. Я не знаток хип-хопа, но кое-какие его элементы мне были знакомы. И сейчас фон Зиффен в моей голове слегка приседал и крутил рукой, изображая, что рулит крутой тачкой.

Я отодвинула папку с документами, достала свой блокнот и записала, пока не забыла:

«Пока ты спал,
Я не зевал
И я сорвал
Большой Куш! Большой Куш!
Всю жизнь прожил,
Вино я пил,
Девиц любил.
Большой Куш! Большой Куш!»

Стишки, конечно, получились не ахти, зато мой мысленный рэпер фон Зиффен не орал бешеным котом, а говорил… И его можно было слушать.

Надо ему, кстати, какое-нибудь имя придумать. Громкое. Звучное. А то фон Зиффен звучит, как кипа скучных договоров в архиве, которые мне прямо сейчас нужно разобрать. Да

и Фореш звучит как-то не так… Но если немного сократить имя, то получится то что надо. Рэпер Фреш! Свежо, оригинально и по местному.

Песенка оказалась приставучая. Сама не заметила, что весь день бормотала ее себе под нос. А когда заметила – обрадовалась. Если уж ко мне она прицепилась, как репей, значит неискушенные жители Большого Куша точно подцепят ее после первого же выступления.

Сложившаяся мелодия получилась простенькой и непритязательной. Местные музыканты сыграют в два счета. Если фон Зиффен справится, то выступить можно будет уже через несколько дней, на выходных. Надо же закинуть удочку, чтобы узнать. Как примет народ совершенно новую манеру исполнения. Местные песни я слышала. Очень похожи на наши русские народные. Надеюсь, рэп не будет слишком радикален, и нас не закидают тухлыми помидорами.

После работы я сломя голову помчалась на фабрику, пока Хараш отсутствовал, мне приходилось работать за двоих. Выслушав там ежедневные рапорты бригадиров, проверив отчеты, раздала указания, и полетела в парк к своим. Обычно я успевала провести собрание до начала работы вечерней смены, но сейчас аттракционы уже начали работу. И мне пришлось носиться по парку, чтобы собрать отчеты.

А потом я потащилась со всеми документами в пиццерию к Харашу, где у нас была назначена встреча с фон Зиффеном. Но его там не оказалось. Я с облегчением выдохнула. Мне, конечно, было немного жаль, что я потратила весь день на бесполезные размышления, но с другой стороны, мне уже не хотелось никаких репетиций. Мне еще надо было забрать документы в пиццерии и обработать полученные отчеты, чтобы собрать их все в одну базу.

Хараш с самого начала говорил, что нам нужно нанять счетовода, но я упиралась. Я бухгалтер и гораздо более продвинутый, чем местные. И справлюсь с подсчетами легко и просто. Потом-то я поняла, что считать без калькулятора то еще удовольствие, но признаться, что мне тяжело, не позволяла гордость.

– Мэр Сью! – меня окликнул четкий пацанчик лет тринадцати, сидевший за крайним столом. Он был одет во все черное и прятался в тени, поэтому сразу его было не разглядеть. – Батя велел отвести вас к нам домой. Музыканты и танцоры уже ждут.

К счастью фон Зиффен жил недалеко от центра. Нам не пришлось тащиться через весь город. С общественным транспортом в Большом Куше были проблемы: извозчики не дураки, как только начинало темнеть, сразу сворачивали работу и разъезжались по домам. На ночных улицах города работали только самые отчаянные, садиться в возок к которым было небезопасно.

– Мэр Сью, – пацанчик топал впереди меня и деловито рассуждал, – батя сказал, что вы хотите сделать из него певца. А вы когда-нибудь слышали, как он поет?

– Слышала, – я улыбнулась, – но господин фон Зиффен утверждал, что его супруга, которая когда-то пела в хоре, хвалит его прекрасный голос.

– Пф, – мальчишка фыркнул и заявил с ухмылкой, – попробовала бы мамка правду ему сказать. Он же как дурной с этим пением. Каждый день по несколько часов орет. Я-то на улицу сбегаю, а мамке приходится слушать и хвалить. Теперь, похоже и вам тоже придется, – он довольно рассмеялся.

– Может быть и не придется, – пожала я плечами. – Я тут кое-что придумала. Если сработает, то и волки будут сыты и овцы целы.

– Как это так? – удивился пацан. – О, а мы уже пришли…

Он открыл еле заметную калитку в высоком сплошном заборе. И пропустил меня вперед.

Я зашла. Впереди вилась узка дорожка, петляя между деревьями небольшого сада.

– А вот так. Твой батя будет не простым певцом, а рэпером… Ему можно совсем не петь. Если у твоего бати есть чувство ритма, то все получится.

– С ритмом у бати порядок, – согласился пацан. – Но я не понял, как можно быть певцом и совсем не петь?

Я рассмеялась. В устах парнишки это на самом деле звучало, как абсурд.

– Очень просто. Можно просто ритмично говорить под музыку. И это называется рэп.

– Реч?

– Нет, – поправила я пацанчика, – рэп. А тот, кто читает рэп, называет рэпер.

– Реч… Речер… я не могу сказать как вы, мэр Сью… – он нахмурился и снова повторил, – реч… речер…

Было слышно, что он пытается произнести незнакомый звук, ломая язык, но у него ничего не получается.

А до меня, как до утки на третьи сутки, дошло, что все это время я не слышала ни одного слова, где была бы буква П. Ну, на местном. Местный язык, вообще, был какой-то шепелявый. Очень много Ж, Ч, Ш и Щ.

– Пусть будет речер, – я фыркнула, – Раз уж ему придется говорить речитативом. В этом даже больше смысла, чем в слове рэпер.

– А как это «речи-та-тивом»? – не без труда воспроизвел мальчишка незнакомое слово. Надо же, какой любознательный!

Пришлось наболтать ему пару строчек придуманной мной песни для его бати. Много не успела, сад быстро закончился. Но мальчишке понравилось. А припев так и вовсе мгновенно прицепился к языку.

Младший фон Зиффен довел меня до просторной террасы, где бренчали на струнах задумчивые музыканты и подпрыгивали в нетерпении молодые танцоры, и сбежал на улицу. И мне показалось, что припев уйдет в народ раньше, чем новоиспеченный рэпер, то есть речер, Фреш выступит на парковой сцене.

А вот музыкантам моя идея не понравилась. И танцорам. А все потому, что фон Зиффен не мелочился и притащил к себе самую крутую музыкальную группу, которая кочевала между публичными домами Большого Куша, и самый популярных танцоров оттуда же…

Первые оказались с завышенным чувством собственной важности, смотрели на меня свысока и разговаривали через губу. Они обсмеяли мои вокальные данные, когда я пыталась напеть музыкальную мелодию, которую им предстояло играть. А когда услышали, как поет сам певец-исполнитель, возмущенно зафыркали, собрали инструменты и свалили в ночь. Правда, и мне пришлось приложить усилия, чтобы не сбежать вместе с ними.

А вторые категорически отказались танцевать хип-хоп и предложили устроить на сцене стриптиз…Ну, почти. Несмотря на то, что танцоры были одеты, выглядело это именно так. Но надо признать, извивались они очень профессионально. Мне понравилось. Вот только нужно было совсем другое.

Когда ушли и танцоры, мы остались вдвоем: я и речер Фреш.

– И что мы теперь будем делать? – спросил меня Фреш. Новое имя фон Зиффену понравилось.

Я почесала затылок, подумала и заявила:

– Музыкантов можно найти возле пиццерии. Они, конечно, не такие профессионалы, как эти. Но нам и не надо гениев. Рэп, ну, то есть реч, – это уличный стиль, стиль простых людей, которые живут в городах. И на отлично подойдут музыканты, которые играют для горожан.

– Хорошо, – покорно согласился новоиспеченный речер, – а танцоры?

Я ничего не успела ответить. В саду раздался шум и к террасе вышла самая настоящая уличная банда, под предводительством сынка Фреша.

– Бать, – заявил он. – Братва хочет послушать твою песню. Она всем понравилась. Можно же, да? А мы тебе потом поможем… Ну, не знаю… чем-нибудь…

Мальчишки активно закачали головами, подтверждая слова своего главаря. Они перешептывались и толкали друг друга локтями. И смотрели на нас с такой надеждой…

– А танцевать будут они, – заявила я, ткнув пальцем в малолетнего хулигана. – Слышь, пацан, тебя как звать-то?

– Петиш, – ответил вместо него Фреш.

– Но все зовут меня Черный, – нахмурился сынок. – Я люблю ходить в черном. А это моя банда.

– Отлично. Черный и его банда будут танцевать хип-хоп, – фыркнула я. – Ребят, вы хотите поучаствовать в нашем проекте? Будете выступать на сцене, заработаете много денег и объездите весь мир с гастролями?

Мальчишки на секунду замерли, а потом взорвались восторженными криками. Вопрос с танцорами был решен.

Самого шустрого тут же отправили на площадь к пиццерии, где каждый вечер собирались музыканты, с записочкой от меня, в которой я просила их прийти и помочь мне с одним проектом.

А остальные взялись учить движения, которые я им могла показать.

Вот не зря хип-хоп называют уличными танцами. Пацаны в два счета уловили суть движений. И когда пришли музыканты у нас уже была готова канва всего выступления.

Фреш за это время выучил слова, благо они были очень простые и незамысловатые.

Непрофессиональные музыканты не стали со мной спорить и требовать идеального исполнения, а тут же подобрали мелодию. К концу часа, который я отвела на репетицию мы даже смогли соединить все воедино, сделав первый прогон. В восторг пришли все… Подростки, так вообще, вопили так, что перебудили всех соседей. Фреш с улыбкой до ушей сиял, как начищенный медный пятак, и не мог говорить, потому что губы его не слушались. А музыканты хлопали в ладоши и говорили, что никогда не слышали ничего подобного.

Первое выступление нашей банды совместным решением было назначено на эти выходные. Всем не терпелось представить реч на суд горожан. Пацаны утверждали, что всем точно понравится, музыканты кивали, соглашаясь с ними. А Фреш продолжал молча сиять. Теперь он не мог даже кивать.

Мы шли по саду на выход всей толпой: музыканты, пацанята… хохотали, обсуждая первую репетицию, предвкушали, как все понравится наше выступление… И когда ничего не подозревающую меня кто-то резко выдернул из толпы прямо в садовые кусты, мой писк никто не услышал.

В кустах на моей шее повисла невысокая и немного полноватая женщина. Она рыдала и сквозь слезы благодарила меня, норовя поцеловать руки. Вот ненормальная.

Страха у меня не было. Я обняла женщину в ответ, похлопала по спине и, когда она наконец-то выпустила меня спросила:

– Простите, а вы кто?

Глава 4

Флеша – супруга речера Фреша, та самая женщина, которая рыдала на моем плече в саду после первой же репетиции, стала для своего супруга импресарио, музыкальным агентом, менеджером и прочая в одном флаконе. Именно она занималась дальше репетициями, пошивом костюмов, освободив меня от этой заботы. И только изредка прибегала ко мне за советом

Петиш, которого теперь даже родители называли Черным, однажды подкараулил меня на выходе из фабрики, и пока мы шли к парку рассказал, что матушка совсем преобразилась. Раньше, когда она была единственным слушателем воплей своего супруга, у нее постоянно болела голова, не было настроения и, вообще, орала она на несчастного сыночка, как курица резаная. А сейчас все по-другому. Сейчас матушка все время улыбается, денег дитятке стала давать гораздо больше и еще и его банду начала привечать.

Мальчишки перестали куролесить по переулкам и теперь собирались прямо в отцовском саду. И танцевали. Им там понравились уличные танцы, что они уже кучу новых движений придумали.

Я порадовалась за всех. А особенно за Фреша. Изменения, случившиеся с главой департамента спекуляций были видны невооруженным глазом. Он стал улыбаться. А когда видел меня, вообще, вспыхивал, как солнце и принимался цветисто благодарить, пожимая руки.

Он бы и обниматься полез, но мне Черный по-секрету выдал, что матушка сказала бате, если тот хоть пальцем прикоснется к своим будущим поклонницам и любым другим женщинам, не видать ему гастролей в столице, как своих ушей. Оказалось, что Флеша не просто так в хоре пела. Она была племянницей того самого директора театра, к которому Фреш ходил на прослушивание.

Неделя пролетела как один миг. Наступил день, когда на сцене у входа в парк впервые должен был выступить знаменитый речер Фреш. Афиши висели по всему городу, заинтригованные горожане гудели, обсуждая очередную новинку. Хотя не такой уж новой была эта новинка. Припев песни ушел в народ в первый же день. И прижился. Я слышала, как его бормотали мои сотрудники в парке и на фабрике, гости нашей Пиццерии, Луиш и даже сотрудники мэрии.

Я тоже волновалась перед концертом так, как будто бы сама должна была выступать. Хараш еще не вернулся, поэтому мы с Луишем отправились смотреть выступление Фреша вдвоем. Правда, пришлось приложить массу усилий, чтобы отодрать друга от плиты, ради этого я даже пообещала рассказать ему про пельмени.

Луиш как раз заканчивал подготовку к публикации второй поваренной книги, которую посвятил блинам. И ему хотелось чего-нибудь новенького. Так что друг повелся на пельмени, снял фартук, оставил плиту и впервые за этот месяц вышел из Пиццерии в светлое время суток. И даже почти не ворчал.

Чем ближе мы подходили к парку, тем многолюднее становилось вокруг. Мне показалось, что толпа собралась больше, чем на открытии парка. А может быть она просто была не такой однородной. Если на открытие парка пришли в основном простые горожане, то сейчас на передних рядах, на предусмотрительно расставленных скамейках, сидели представители местной элиты: мужчины в разноцветных флютах и женщины в квадратно-гнездовых платьях из лионского шелка, фолийского атласа и тарибского кружева. Именно в такое и хотели нарядить меня в самый первый день.

Погодка сегодня выдалась очень жаркая. К счастью, в Большом Куше климат был достаточно прохладный, для Ардона, конечно. Город располагался на самом севере обжитого мира. Дальше были только горы, которые неизвестно где заканчивались. Самые отчаянные путешественники, отправлявшиеся в горы в поисках северного края земли, так и не достигли ее пре-

делов. Про-крайней мере ни один не вернулся обратно, чтобы рассказать о том, что видел. Многие пытались обогнуть землю по морю, но результат был тот же.

Я оттянула воротник блузки от шеи и с сочувствием взглянула на несчастных женщин:

– Бедолаги, – невольно вырвалось у меня, – такая жара, а они на себя тонны ткани напялили. Наверное им очень тяжело…

– Кому? – не понял Луиш, стоявший рядом со мной, но при этом явно думающий о блинах. Или пельменях. Мне вдруг стало жаль его будущую девушку.

– Этим, – махнула я сторону леди. – На меня тоже такое платье хотели надеть, когда я к вам попала. Но я отказалась. Там штук сто нижних юбок! И корсет! При такой жаре можно заживо свариться.

– Это же лионский шелк и фолийский атлас. С чего им жарко-то будет. – Я насторожилась. И не зря. – Эти ткани же тоже из флюта. А у него свойства, сама знаешь какие.

– Какие? – нахмурилась я. У меня вдруг появилось ощущение, что меня надули.

– Во флюте в жару не жарко, а в холод не холодно, – равнодушно ответил Луиш, пребывая в грезах об очередном рецепте. – потому флют так ценится. Тебе сейчас намного жарче, чем им…

Теперь о розовом квадратно-гнездовом платье я вспоминала с сожалением. Я бы из одной нижней юбки сшила бы себе летний сарафан, а из всего платья целый гардероб.

– Луиш, – я дернула за руку друга, снова уплывшего в свои размышления о вкусной и здоровой пище, – а где у нас в Большом Куше можно флют купить?

– Нигде, – тут же отозвался он. – И, вообще, его нигде купить нельзя. За ним, Сью, очередь… Ты хотя бы представляешь, сколько крылышек надо, чтобы сделать кусочек ткани размером с носовой платок? Тетка Лауша рассказывала, то если со всей фермы за сезон соберут крыльев на рулон, то год считают удачным. А на такое платье, – он кивнул на женщин, – не меньше рулона нужно. Расход большой. Так что флют, Сью, передается от отца сыну, а такое платье от матери к дочери. Поэтому и надевают его только по большим праздникам, чтоб не снашивалось.

Вот ничего себе… Я тяжело вздохнула. Вот зря я капризничала. Надо было надевать, что дают. Хотя странно, конечно… Почему фон Байрон так раскошелился? Наверное, от неожиданности, решила я. Помнится горничные говорили, что до меня женщин к ним не попадало. И кажется, мой заместитель ограбил свою женушку, чтобы заполучить подпись одной бестолковой девицы, пожелавшей стать мэром.

– Дорогие гости! – со сцены раздался звонкий голос Флеши, отвлекая меня от мыслей о флюте и фон Байроне. – Мы рады приветствовать вас на первом в Большом Куше концерте известного в узких кругах речера Фреша.

Толпа радостно загудела и захлопала в ладоши. Флеша подождала, когда шум немного стихнет и продолжила:

– Очень скоро речер Фреш отправляется на гастроли в столицу! – Толпа заорала громче. – Впервые в истории Большого Куша исполнитель из нашего города будет выступать на самой известной сцене Ардона!

Ну, ничего себе! Вот Флеша шустрая! От такой новости даже я не выдержала и заорала-захлопала, а зрители так, вообще, ликовали. Не знаю, как выступит сам речер Фреш, но Флеша однозначно умудрилась зажечь толпу.

– А сейчас! – Флеша снова дождалась, когда крики стихнут и громко и звонко закричала, – встречайте! Речер Фреш и танцевальная банда Черных!

В этот момент откуда-то снизу, как горошинки из стручка, выскочили босоногие мальчишки одетые в черные кожаные жилетки и широченные шаровары, густо украшенные разноцветными клочками ткани, которые должны были, вероятно, изображать крылья бабочек флюта. Ничего общего с хип-хоперами нашего мира.

Вместе с ними, как яркий попугай, вылетел в центр сцены сияющий от обилия массивных золотых украшений, речер Фреш. Его одежды переливались всеми цветами радуги, и так же, как у мальчишек, была усажена разноцветными клочками ткани, что делало его вид еще более ярким. А на голове на круглой кепке, которая явно должна была изображать бейсболку, на самой макушке трепетала крыльями огромная голубая бабочка, сшитая по всей видимости, из настоящего флюта.

Не знаю, кто все это придумал, но у него явно с головой было не в порядке. Я в ужасе закрыла глаза. К такому жизнь меня не готовила…

Народ тоже явно не ожидал увидеть такого кошмара. И замер. На какую-то долю секунды воцарила такая тишина, что я услышала, как ветер шебуршит листьями в парке. И приготовилась в к провалу. Я уже видела, как толпа хохочет и показывает пальцем на сцену.

Как улыбка сходит с лица Флеши, она бледнеет на глазах, теряется и снова превращается в ту несчастную женщину, с которой я даже не успела познакомиться.

Как чернеет господин фон Зиффен, и втягивает голову в плечи, мечтая спрятаться от людей. И уже представила, что завтра ко мне на фабрику заявится с проверкой комиссия из департамента спекуляций.

Как мальчишки теряются и растерянно застывают, недоуменно глядя на людей вокруг. Особенно жалко было Петиша. Он доверился родителям, а они сотворили с ним такое. И никогда ему больше не быть предводителем пацанской банды…

Вот и все…

И почему я все пустила на самотек? Не надо было надеяться на Флешу. Они ничего не знает о рэпе и хип-хопе. К тому же у нее, судя по всему, совершенно нет ни вкуса, ни чувства меры. Самой надо было за всем проследить. А не бросать людей после первой же репетиции, радуясь, что удачно отделалась.

Все эти мысли пронеслись в моей голове в одно мгновение. И я сделала шаг к сцене, решив принять огонь на себя. Выйду и скажу, что все это была шутка. Что так я хотела привлечь внимание к парку развлечений. Пусть лучше смеются надо мной, чем пострадают люди, которые искренне старались сделать все так, как надо.

Но в этот самый миг толпа взорвалась восторженными криками.

Приглашенные высокопоставленные гости вскочили со своих скамеек и стоя аплодировали, выражая свои эмоции. Дамы прикладывали ладони к груди и посылали речеру Фрешу воздушные поцелуи, не обращая внимания на супругов, стоявших рядом.

Толпа за моей спиной взвыла в полном восхищении, топая ногами и хлопая с таким энтузиазмом, что я на секундочку пожалела их ладони. Парни заливисто свистели, девицы пронзительно визжали, оглушая меня.

Даже Луиш забыл про кухню и от души хлопал, орал и свистел, не отрывая взгляда от сцены.

А там замер абсолютно счастливый речер Фреш, переливаясь всеми цветами радуги. Нет, я и раньше видела нездоровую любовь местных с самому дикому смешению цветов, но это же рэп! Это же песни городских улиц! Серых каменных стен! Беднейших районов! А не вот это все… Если бы какой-нибудь рэпер из моего мира увидел то, что сейчас вышло на сцену, чтобы исполнять рэп, у него случился бы обморок. Как минимум.

Тем временем заиграла музыка. Пацанята запрыгали по сцене. А речер Фреш начал читать рэп…

С ритмом у него, и правда, было отлично. Громкость голоса тоже оказалась на высоте. Микрофонов-то еще не было. И дикция не подвела. И, если закрыть глаза, чтобы не видеть наряды, созданные вусмерть укуренным стилистом, то можно было представить, что это настоящий рэп.

Припев после второго куплета кричали уже всей толпой. А от дружных воплей «Большой Куш! Большой Куш!», казалось, сотрясалось само мироздание.

И Луиш тоже голосил как ненормальный. Подпрыгивал на месте, как девчонка-фанатка, вскидывая руки кверху и орал во всю мощь легких вместе с Фрешем:

– Большой Куш! Большой Куш!

Это был успех. Самый успешный успех из всех успешных успехов. Горожанам пришелся по вкусу и реч, и речер Фреш. Песня у него пока все еще была одна. Но никого это не смущало. Народ не желал отпускать речера Фреша, заставляя его снова и снова повторять выступление.

Неважно, что после десятого выступления Фреш охрип, и ничего не говорил, только качал головой в такт музыке и махал руками. Это никого не смутило. Толпа читала рэп вместо него.

Бедные мальчишки чуть не падали с ног от усталости. То один, то другой валились прямо на пол, не выдержав напряжения, и так и оставались лежать на сцене, раскинув руки и ноги.

Музыканты стали запинаться и играть вразнобой.

Но зрители требовали еще и еще…

После очередного прогона, когда все танцоры уже валялись, не делая попыток подняться, а сам речер Ферш явно тоже мечтал к ним присоединиться, на сцену вышла Флеша и подняла руки вверх, призывая к тишине.

Народ замер, не желая ничего пропустить. И Флеша звонко закричала:

– Жители Большого Куша! Вам понравилось наше выступление?!

– Да! – дружно проревела толпа, засвистев, завизжав и затопав для полноты выражения своих эмоций.

– Жители большого Куша! Вам понравился речер Фреш?!

– Да! – ор стал еще громче, хотя, казалось, громче просто некуда.

– Жители Большого Куша! Вам понравилась песня?!

– Да! – сотни людей, собравшихся у сцены грянули в один голос.

А Флеша, довольно улыбаясь, снова подняла руки вверх, призывая всех к тишине. И толпа послушно затихла. И эта бессовестная личность… та, которая супруга фон Зиффена… подпрыгнув на сцене заорала во все горло, не боясь сорвать голос:

– Это мэр Сью придумала! – она вытянула руку, указывая прямо на меня. – Качай мэра!

Я даже пикнуть не успела. Народ кинулся ко мне, подхватил на руки и подбросил вверх. Я завизжала от ужаса. Мама дорогая!

Когда сотни рук поймали меня, я попыталась вцепиться в чью-то шею, чтобы остаться на земле, но не тут-то было. Рывок! И я снова взлетела вверх, махая руками и вопя что есть мочи, чтобы бы меня не трогали.

Однако мой перепуганный визг приняли за радостный. Тем более девицы внизу, тоже визжали так, как будто бы их подбрасывали вместе со мной.

Качали меня долго. Я уже перестала визжать, просто закрыла глаза и сдалась на милость толпы. Только молилась, чтобы меня не уронили. Особенно тогда, когда в очередной раз взлетев на небо, услышала пронзительный вопль, перекрывающий крики толпы:

– Речер Фреш ушел! Туда! – какой-то парнишка указывал на выход из парка.

К счастью, прежде чем бежать на поиски речера Фреша, меня поймали и аккуратно поставили на землю. Голова кружилась. Стоять я уже не могла, поэтому плюхнулась прямо в пыль и застыла, пытаясь справиться с тошнотой, возникшей после воздушных кульбитов.

Мой пучок растрепался и теперь волосы падали на лицо, неприятно щекоча щеки. Кожа головы болела. Я не хотела думать, сколько волос потеряла в руках добрых горожан.

На блузке две пуговицы оказались выдраны с мясом, а юбка порвалась по шву почти до бедра. Одна туфля упала с ноги и исчезла в неизвестности.

Я сжала руками голову, все продолжало прыгать и кружиться. Вот Флеша… Вот гадина… Это же она нарочно сделала, дошло до меня, чтобы незаметно уйти со сцены. Я обиженно запыхтела. Вот, значит, как?! Я к ней со всей душой, а она?! Отдала меня на растерзание толпе?!

– Мэр Сью, – присела эта нехорошая женщина рядом и протянула кружку с подкисленной лимоном водой, – как вы?

– Плохо, – буркнула я, но от водички не отказалась. Выпила все до капли. Вкусно. И сразу стало легче…

– Вот, мэр Сью, ваша туфля, – с другой стороны подошел уставший, но довольный Черный.

А Фреш ничего не сказал. Молча поднял меня с земли и прижал к себе так сильно, что у меня косточки захрустели. К счастью, он уже успел переодеться, а то я решила бы, что у меня глюки.

Я хотела пойти домой, чтобы переодеться и привести себя в порядок. Но никто даже слушать меня не стал. Откуда ни возьмись налетели музыканты, танцоры, закружили вокруг меня, вводя в гипноз, и потащили на вечеринку в честь успешного выступления. Я, бы, конечно, отказалась, но Флеша не оставила мне ни единого шанса: пообещала, что мне предоставят и ванную, и новую одежду, и все что угодно, лишь бы я согласилась пойти с ними. И я сломалась. Очень уже хорошие они люди.

В доме у Флеши водопровода не было. Но зато была прислуга, которая быстренько принесла горячей воды и наполнила большую деревянную бочку. Ее здесь использовалась вместо ванны. Сияющая Флеша вручила мне квадратно-гнездовой наряд. Не из именитого флюта, а из простой ткани, которые женщины носили в обычные дни. И отправила служанку помочь мне с помывкой и облачением.

Служанка была смешная. Она все время корчила рожи, от которых я не могла сдержать смех. Хохотала я так, что у меня живот заболел.

А еще оказалось, что в бочке гораздо интереснее принимать ванну, чем в собственно ванне. Бочка глубокая. Можно нырнуть к самому дну, и притаиться там, сжавшись в комочек. И тогда служанке придется лезть в воду, чтобы достать тебя и помыть. Когда она доставала меня со дна, вымокнув с ног до головы, вид у нее был такой потешный, что я умирала от смеха.

Потом откуда-то появился красавец-мужчина. Не Хараш, конечно, но тоже ничего. Я залезла к нему на руки и сказала, чтобы он нес меня к друзьям, потому что у меня устали ноги, а он такой сильный. И, если бы я не любила Хараша, непременно затащила бы его в свою постель.

Служанка ревновала и пыталась стянуть меня с мужчины под тем предлогом, что мне нужно одеться. Мол, неприлично ходить голой при посторонних. Но я ей ответила, что они оба тоже посторонние, а я хожу перед ними без одежды и прекрасно себя чувствую.

Потом прибежала обеспокоенная Флеша. У нее был такой смешной вид, что я свалилась на пол и хохотала там, дрыгая ногами и руками.

Дальше в ванную комнату прибежали еще какие-то посторонние, которые уже не требовали, чтобы я оделась. Они просто держали меня, пока мокрая служанка натягивала на меня какие-то тряпки.

Зато потом меня пустили к друзьям… И Флеша, такая молодец, велела красавчику все время быть рядом со мной.

Потом мы много ели разные вкусности, и пили лимонад. Не такой вкусный, как у Луиша. Но мне так сильно хотелось пить, что выбирать не приходилось. И я, кажется, научила дремучих местных танцевать на столе. Жаль на мне не было лифчика, когда я изображала, как на корпоративе наша главбухша напилась и танцевала на столе, размахивая лифчиком.

А потом я так устала, что снова залезла на того мужчину, который был похож на Хараша, и заснула у него на руках.

Глава 5

Пробуждение было ужасным. Голова болела так сильно, что я не могла пошевелиться. Во рту было сухо и мерзко. Желудок скукожился и ныл, как будто бы все кишки завязали узлами. Я попыталась открыть глаза, но от света началась такая резь, что я тут же захлопнула их, погружаясь в кружащуюся вокруг меня тьму.

– Сью? – встревоженный голос Луиша звучал так, как будто бы меня били по голове молотками. Или даже кувалдами. – Как ты?

– Пить, – прошептала я.

Мне в руки тут же ткнулась кружка с вкуснейшим холодным лимонадом. Никто во всех двух мирах не умеет делать лимонад так, как Луиш. Я выхлебала всю кружку. Сразу стало легче. Узлы в животе развязывались, молоточки в голове перестали бить так сильно… И я открыла глаза.

Я лежала в своей постели. А рядом сидел мой друг, на лице которого явно читалось чувство вины.

– Сью, – вздохнул он, – прости, что я тебя бросил. Просто я, – он запнулся, – как дурак голову потерял от этого речера. И побежал со всеми, когда сказали что он ушел.

– Да, ладно, – попыталась я махнуть рукой, но перед глазами все поплыло, – ты не виноват. Значит реч понравился? – я хотела улыбнуться, но не смогла.

– Ага, – а вот Луиш мог, – очень понравился. Шикарно Фреш выступил. Кто бы знал, что скучный и нудный фон Зиффен, которого не любили все горожане, окажется таким классным.

Я хихикнула. Похмелье, а это несомненно, было оно, отпускало. Мне уже приходилось испытывать подобное в прошлой жизни. Наверное, я вчера наклюкалась на вечеринке у Фреша. Единственная странность была в том, что я отлично помнила все, что произошло вчера. С первой минуты до последней. Обычно мозг милосердно забывает обо всем, что ты натворила в пьяном угаре.

– Луиш, дай еще попить, – попросила, чувствуя, как во рту снова становится сухо.

Луиш плеснул лимонад в кружку и протянул мне. Я пригубила и скривилась.

– Что это за гадость, Луиш? Ты что разучился делать лимонад? Дай мне тот вкусный, который давал только что…

Луиш тяжело вздохнул и опустил голову:

– Нет, Сью, не дам.

– Но почему?! – не поняла я.

– Потому что там было вино. А тебе его нельзя, Сью. Ты помнишь, что вчера было?

– Капельку можно, – не согласилась я, проигнорировав вопрос Луиша.

– Капельку я тебе уже дал, – снова вздохнул Луиш. – И больше у меня нет.

– Так принеси! – воскликнула я.

Луиш кивнул и вышел из спальни, оставляя меня одну. А я плюхнулась на постель и стала ждать, когда он вернется.

С каждой минутой пить хотелось все больше. Во рту было сухо. В голове снова застучали молоточки. Я вспомнила, что говорили мне про местный алкоголь. Теперь я почувствовала его действие на собственной шкуре.

Мне было страшно стыдно за свое вчерашнее поведение в доме Фреша, но одновременно я страшно злилась на Флешу. Зачем она меня напоила меня? Она же знала, как действует вино на людей. У меня даже появилась мысль, что она сделала это нарочно, чтобы посмеяться надо мной. Или, вообще, вывести из игры, как всех остальных мэров-попаданцев.

А вдруг это, вообще, был замысел фон Байрона?! Ему не понравилось, что я становлюсь влиятельной особой в городе. Он решил от меня избавиться и велел Флеше напоить меня. Этого я простить не могла. И решила, что назло, выдержу эту страшную жажду и не сорвусь.

И, вообще, фон Байрон у меня еще попляшет…

Я металась по постели. Никак не получалось найти удобное положение. Жажда была очень сильной, и мне стало казаться, что я вот-вот умру от обезвоживания. Я попробовала попить лимонад, который Луиш оставил на столе в кувшинчике. Но вкус у него был такой мерзкий, что я даже проглотить не смогла, выплюнула обратно. Попробовала попить простую воду из-под крана, но она противно воняла то ли болотом, то ли еще какой-то гадостью.

В конце-концов я не выдержала и помчалась в город. Луиш не прав. От еще одной маленькой капельки ничего страшного не случится. Я же не буду пить много, просто добавлю пару капель в напиток, чтобы унять жажду и не превратиться в иссохшую мумию.

Я выбежала в гостиную и толкнула входную дверь. Она оказалась заперта. Я не сразу поняла, что бессовестный друг просто меня запер с той стороны, и какое-то время пыталась выйти, толкая дверь изо всех сил.

Кажется я даже орала. Требовала, чтобы меня немедленно выпустили, совсем забыв о том, что сегодня выходной и в коридорах мэрии никого нет. Луиш, конечно же, тоже сбежал. Мерзавец! Да, он даже хуже фон Байрона! Тот сразу был мерзавцем, а Луиш долго и старательно притворялся другом!

Я попробовала вылезти в окно. Живу я на первом этаже, падать невысоко, не ушибусь. Но окна не открывались. Кто-то предусмотрительно закрыл их ставнями снаружи. И я даже знала кто был этим злодеем. Ну, он у меня получит. Как только я вырвусь из плена, так сразу побегу к пиццерию и все ему выскажу. Нет! Я лучше ему глаза выцарапаю!

Эта мысль мне понравилась. И я даже немного подготовилась к акту возмездия. Пилочки у меня, к сожалению не было, но я заострила коготки, об точилку для ножей, которую для меня сделал герцог Буркингемский. Теперь моя месть Луишу будет болезненной и кровавой.

Все это немного отвлекло меня от жажды, и я с удивлением заметила, что она стала слабее. К обеду я, наконец-то, смогла попить лимонад. Он уже не казался таким противным. Не вкусно, но терпимо. Самое ужасное похмелье за всю мою жизнь отпускало. К вечеру я совсем пришла в себя. Мне уже не хотелось бежать в пивнушку за выпивкой.

– Сью, – когда стемнело из коридора мэрии раздался голос Луиша, – ты как? Я уже могу войти?

– Конечно, – мгновенно оказавшись у входной двери, радостно откликнулась я и довольно потерла лапки. Желание отомстить вспыхнуло с новой силой. – заходи, друг. Я давно тебя жду…

Наверное, я сказала что-то не то… или не так. Но Луиш о чем-то явно догадался и заявил:

– Я тогда лучше завтра приду… А пиццу я тебе в форточку на кухне просуну. Поешь. А то ты весь день голодная.

Я тут же метнулась на кухню к окну. Пусть Луиш только откроет ставни, я стекло разобью, но из квартиры вырвусь. Не потому, что мне хочется вина, а потому что не надо меня запирать! Это не по-дружески! Хотя вина мне все еще хотелось. Очень. Я даже чувствовала на языке вкус самого прекрасного лимонада, которым меня сегодня поил Луиш.

Но этот негодяй снова меня обманул. Как только я оказалась на кухне, а моей спиной щелкнул, открываясь замок. Но прежде чем я успела добежать обратно, дверь уже закрылась. И только на полу стояла тарелка моей любимой пиццы с рыбкой.

На следующее утро я снова проснулась в отвратительном настроении. Мрачно оглядела разгромленную комнату… Вчера я от злости на Луиша немного покидалась вещами. К счастью ничего не расколотила, а то герцога Буркингемского больше нет, и пришлось бы заменять более-менее современные детали интерьера на доисторическую утварь.

Страшно хотелось пить. Гораздо больше, чем есть. Хотя вчера я не смогла проглотить ни кусочка пиццы. Вкус был такой мерзкий, что меня стошнило. Луиш уже приходил меня проведать. У двери стояли горшочки с едой. Я открыла крышки и сунула нос внутрь.

Сегодня запахи у же не вызывали такое отвращение, как вчера. Сегодня Луиш принес мне не только пиццу, но и местную кашу из странной крупы, похожей то ли на рис, то ли на сорго, и несколько видов блинов. На завтрак я выбрала блины с мясом. Они пахли вполне прилично.

А лимонад, в кувшине, вообще, был умопомрачительно вкусным. Первым делом я выхлебала его его. Весь до капли. Прямо тут у двери. И только тогда сообразила, что скорее всего Луиш добавил в лимонад секретный ингридиент. Потому что блины сразу завоняли.

И зачем мой негодяйский друг снова притащил мне эту гадость?! Я же почти справилась! Если бы не он, я уже смогла бы нормально есть! А теперь все снова?! Я вскочила и со злости швырнула пустой кувшин в дверь. Он с грохотом разлетелся на мелкие осколки, осыпав меня острыми черепками с ног до головы.

Я почувствовала, как защипало щеки. И заскрипела зубами от ярости. Если бы Луиш был здесь, ему досталось бы от меня по полной программе. Уж я бы отыгралась на нем за свои мучения. А пока кое-как доползла до постели и, рухнув лицом в подушку, заплакала. Все меня бросили. Никому я не нужна. И, вообще…

Кажется, я заснула снова. И проснулась тогда, когда под окном кто-то заскребся. Я осторожно подошла к окну и прислушалась. Точно, кто-то тихо стучал в ставни.

– Кто там?!

– Мэр Сью! – обрадованно зашептала Флеша. – Как вы?!

И не дожидаясь ответа, затараторила:

– Вы простите меня, мэр Сью! Я же не нарочно вас напоила-то! Там вина-то было одна маленькая ложечка на кружку. Мы все так пили, очень хорошо силы восстанавливает. Я даже детям дала по полстакана хлебнуть. Кто же знал-то, что вас так развезет!

Я прислонилась к стене рядом с окном. Мне вроде как стало легче. Все еще мутило и болела голова. К тому же навалилась чудовищная слабость. Не было сил даже моргать.

– Да, ладно, – ответила я, с трудом шевеля губами. – Прощаю. Я знаю, что вы не нарочно.

И Луиша тоже. Ничего я ему не сделаю, когда все закончится и я выйду из заточения. Я же знаю, он сделал это ради меня. Если бы выпустил, я бы уже не смогла сдержаться. И отправилась бы по кабакам. Как и все остальные мэры-попаданцы. И мне было бы плевать на то, что меня казнили бы через год. Главное было бы унять жажду. За дозу родину продала бы.

– Вы потерпите еще немножко, – всхлипнула за окном Флеша, – послезавтра станет намного лучше.

Послезавтра?! Вяло удивилась я… четыре дня похмелья, после чайной ложки? Местное вино – убойное зелье. Пожалуй, я больше никогда не возьму его в рот. И, вообще, никогда ничего больше не буду пить из чужих рук. А то вдруг мне опять подольют чего-нибудь не того…

Я вспомнила вкус лимонной воды, которой меня напоила Флеша, и рот опять наполнился слюной. Я постучала по окну.

– Флеша, открой ставни, а? А то у меня тут так темно и душно. Хочу проветрить комнату. А Луиш меня запер…

– Мэр Сью? – в ее голосе послышался страх. – Вы опять?! Я лучше Луиша позову, – заявила она решительно. – И Фреша.

И негодяйка бессовестно убежала, снова оставив меня взаперти в этой проклятой конуре.

Мой бывший друг Луиш и наглый и бессовестный речер Фреш устроили совещание прямо под моими окнами. И порешили, что завтра глава департамента спекуляций отправит архивариуса, то есть меня, в служебную командировку в архив провинции за какими-нибудь очень важными сведениями. Тогда они смогут держать меня в квартире столько сколько нужно. Пока я окончательно не приду в себя.

Но все должны молчать о том, что произошло. Если фон Байрон узнает, какое действие на меня оказало вино, то может воспользоваться ситуацией. Если не сейчас, то потом. Фреш почему-то до сих пор был уверен, что я собираюсь воевать со своим заместителем.

А я все эти дни хотела воевать с Луишем. И с семейкой Фреша и Флеши. У как только я их не уговаривала: и просила, и угрожала, но они меня так и не выпустили из комнаты. Луиш продолжал приносить мне еду. И лимонад.

Я уже знала, что он с каждым днем давал мне все меньше и меньше вина, постепенно уменьшая дозу с ложки на стакан до капли на кувшин. Луиш сказал, что по-другому нельзя. Но даже эта капля была волшебной. Я ничего не могла с собой поделать, мне все время хотелось пить. Но постепенно жажда становилась меньше, а остальные вкусы перестали казаться мерзкими. Я стала потихоньку есть то, что приносили друзья. Но вкус пищи навсегда стал другим… как будто бы капля Ардонского алкоголя уменьшила чувствительность моих вкусовых рецепторов.

В общей сложности я провела в своей комнате целую неделю. Когда жажда стала отпускать начала работать: Луиш приносил мне отчеты и оставлял их вместе с едой.

А еще я много думала… Теперь я стала лучше понимать тех людей, которые были мэрами до меня. И перестала осуждать их. Не удивительно, что они спивались и теряли разум. Это у меня есть друзья, которые прикладывали массу усилий, чтобы избавить меня от зависимости. У них никого не было. Особенно, если они шли в кабак в первый же вечер…

Меня очень смущал только один момент… герцог Буркингемский, прежде чем спиться в Большом Куше, много лет прекрасно жил в Ардоне. Я сомневалась, что он смог бы добиться герцогского титула, если бы с первого глотка вина чувствовал такую же жажду, как я. Вряд ли, путешествуя по Ардону и зарабатывая титул, герцог, который тогда был просто Женькой, был трезвенником. А значит, проблема была не во всем вине, а именно в местном.

Я решила, что надо непременно выяснить, кто готовит вино для местных кабаков. И в чем его уникальность. Вот чувствую, дело здесь нечисто… Жаль герцога Буркингемского нет. Уж он бы смог рассказать мне все.

Выпустили меня из заточения вечером накануне выходных. Луиш, всю неделю просивший прощения за то, что бросил меня на площади, в этот раз не сказал ничего. Просто обнял меня и прижал к себе. Но я видела, как он рад, что все закончилось.

Флеша снова ревела и висла на мне, как в нашу первую встречу. Фреш довольно улыбался, а глава банды Черных шмыгал носом и тер глаза.

В честь моего освобождения друзья устроили вечеринку в пиццерии. Мы ели пиццу, пили лимонад, а когда первые восторги стихли, я поделилась своими размышлениями об уникальности местного вина с друзьями.

Фреш кивнул:

– Да, мэр Сью, вы правы, вино, которое было в напитке, особенное. Его делают в местной винодельне, в горах. Оно очень ценится, и его поставляют даже королю. В чистом виде оно, честно говоря, больше никому не по карману. Одна бутылка стоит как мой дом. А может и больше. Поэтому винодел разводит его с обычным вином. И продает по всему Ардону. Но большая часть, конечно же, попадает в кабаки Большого Куша. Мы с Флешей обычно покупаем Десяточку, то есть вино разведенное в десять раз…

– В первый раз об этом слышу, – удивился Луиш. – Получается, Тысечка – это вино разведенное в тысячу раз?

– Ага, – кивнула Флеша и виновато вздохнула, – поэтому вы, мэр Сью, так быстро и привыкли. Слишком крепко для вас было. От Тысечки бы вас так не приложило…

– А Лимонка, которую пьют все, – задумчиво продолжал Луиш, словно не услышав нас, – это, значит не от лимонов, а потому, что в миллион раз разведено?

– Именно, – подтвердил Фреш. – просто об этом не распространяются… сами понимаете, винодельня вдали от людей, в горах. Если местные узнают, то вполне могут пожелать сходить проведать. Хотя, говорят, саму винодельню в горах не найти. Кабатчики пытались за виноделом проследить, да только ничего у них не выходило. Вроде там какая-то туманная долина, которую никто пройти не может…

Мы с интересом слушали рассказ Фреша. А моя попа ныла, предчувствуя будущие неприятности.

Глава 6

Хараш вернулся утром следующего дня. Тихо, чтобы не разбудить, вошел ко мне в спальню, и присел на кровать. Сунул руку под одеяло и коснулся моего плеча холодной рукой.

Я не запомнила, что мне в этот момент снилось, но ощущение ледяного прикосновения напугало до чертиков. Я вскрикнула и проснулась. Открыла глаза и увидела сияющего, ярче солнца, любимого мужчину.

– Хараш! – невольно расплылась в улыбке и потянулась к нему. – Я соскучилась!

– И я соскучился, Сью, – улыбнулся он еще шире и обнял. Поцеловал.

Я млела в его руках, тая от счастья. Как мало мне, оказывается надо… Был бы милый рядом… всплыла в голове строчка из дурацкой старой песенки. Она никогда мне не нравилась, но сейчас я вынуждена была признать, что это правда. Мое женское счастье не фабрика и не должность. Мое счастье вот оно, рядом со мной.

Мы все выходные провели вдвоем. Я рассказала о своих приключениях, и Хараш хмуро пообещал устроить взбучку Луишу, которого он попросил присмотреть за мной. А вместо этого наш общий друг позволил напоить меня вином. Причем не каким-нибудь, а Десяткой.

Ведь даже ложка на стакан это гораздо больше, чем Тысечка и тем более Лимонка. Хараш сказал, что мне еще повезло отделаться неделей взаперти.

Но еще больше его удивило, что простой глава департамента спекуляций покупает Десяточку. Это вино не каждому аристократу по карману.

– Надо получше присмотреться к этому подпольному богатею, Сью…

– Он не такой уж плохой, Хараш, – улыбнулась я, – просто тут все сложилось вместе: не самая лучшая наследственность и попустительство со стороны фон Байрона. Но, как речер, Фреш очень хорош. Он понравился горожанам.

– Не знаю, – покачал головой Хараш, – мне кажется, нет ничего интересного в том, чтобы говорить под музыку. Наверное, ему просто повезло.

– Сегодня вечером Фреш снова выступает в парке. Сходим посмотрим? Может и тебе понравится…

Хараш кивнул. Хотя я видела, эта идея не пришлась ему по вкусу. Вообще, несмотря на то, что он рад был вернуться, что-то в нем изменилось за эту поездку… Я пока не могла понять что.

Единственный концерт речера Фреша принес ему бешеную популярность в Большом Куше. Флеша, конечно, немного лукавила, когда говорила, что Фреш уезжает на гастроли, но письмо своему дяде, директору столичного театра, она уже отправила. Осталось только дождаться ответа.

А пока речер Фреш готовился выступить в парке еще раз. После его феерического концерта, рэп стремительно ворвался на улицы Большого Куша. Дети больше не носились в поисках приключений. Они играли в речера Фреша.

Подростки сбивались в банды не для того, чтобы грабить случайных прохожих, а для того, чтобы читать рэп и танцевать. Хотя находились умельцы, которые успевали и то, и другое вместе.

К Фрешу потянулись доморощенные поэты-песенники. И надо сказать, некоторые из них принесли очень классные тексты. Так что за эту неделю репертуар первого рэпера существенно обогатился.

Я обо всем знала только со слов Флеши, которая забегала ко мне каждый день, а то и не по разу, поэтому тоже с нетерпением ждала нового выступления. И Луиша даже не пришлось уговаривать оторваться от своей плиты. Наш друг стал самым горячим поклонником нового

жанра и на этой почве, а так же из-за моего заточения, очень сильно сдружился с речером Фрешем и всей его семьей.

Мы пришли в парк втроем. Хараш хмурился… За эти две недели скопилось много отчетов, которые он не видел, и ему хотелось разобраться с бумагами, а не гулять по парку. Хорошо, что мы с Луишем были в большинстве.

Места нам в этот раз достались прямо перед сценой. Мы сидели среди одетых во флюты богатеев, как куст чертополоха на клумбе. Мне стало неловко. Луиш, вообще, ничего не замечал. Он даже не присел. Прыгал возле стула, свистел и хлопал вместе с толпой позади него. Хараш хмурился все сильнее. Как будто бы ему было неловко. С ним явно что-то не то… Надо будет осторожно вызвать его на откровенный разговор.

Когда на сцену вышла улыбающаяся Флеша, все встали. А когда на сцену вылетел разодетый в попугайский наряд Фреш, «богатеи» перестали отличаться от Луиша, захлопав и засвистев вместе со всеми.

В этот раз Фреш исполнил четыре разные песни, которые были приняты зрителями с огромным восторгом. А потом на сцену вышла одна из уличных банд. Оказалось, Черный не терял время даром. Его авторитет на улицах взлетел на небывалую высоту. И мальчишка решил, что для поддержания имиджа ему нужно устроить танцевальный батл… Я им ничего такого не говорила. Но, наверное, законы улиц одинаковы во всех мирах.

Пока дети соревновались, Фреш с Флешей втихаря покинули парк. Но танцевальная борьба на сцене оказалась такой завораживающей, что никто этого не заметил.

Харашу рэп тоже понравился. Он даже повеселел и под конец стал хлопать и кричать вместе со всеми.

– Сью, – признался он мне, когда мы шли домой после концерта, – я был не прав! Думаю, речера Фреша ждет большой успех в столице… Любовь к речу у ардонцев в крови…

Я хотела спросить, что он имеет в виду, но в этот момент меня окликнул знакомый голос:

– Мэр Сью!

Мы обернулись. К нам шел Вирша собственной персоной. Я невольно напряглась. А этому-то что от меня надо? Вот уж его я совсем не хотела видеть.

– Мэр Сью, – Вирша с приятелями подошел к нам и виновато улыбнулся, – я хотел попросить у вас прощения… Ну, за то, что сделал. Я за это время многое понял. И мне очень жаль, что не смог увидеть в вас потенциал…

Я кивнула, насторожившись еще больше. С чего это Вирша стал такой милый? И заговорил так, как будто бы за это время интеллигентом стал.

Луиш и Хараш тоже смотрели на него настороженно. По моим рассказам они знали, какой это нехороший человек.

А тем временем Вирша продолжал:

– Я хотел бы загладить свою вину. Перед вами, и перед городом… Я же понимаю, что сделал много не очень хорошо для людей, которые живут рядом со мной… И с вами поступил совсем непорядочно.

Мне стало страшно. Я отступила на шаг и прижалась спиной к Харашу. Вирше я не доверяла.

– Я продал свою забегаловку, – снова улыбнулся он, – и теперь у меня на руках довольно крупная сумма денег. И я хотел бы вложить ее так, чтобы не просто заработать, но и принести пользу Большому Кушу. Вот и хотел посоветоваться с вами, что можно сделать…

Я уже открыла рот, чтобы грубо послать негодяя куда подальше, сказав, мол, лучшее, что ты можешь сделать для города – исчезнуть с лица земли. Но вмешался Хараш:

– Приходи завтра утром, – ответил он Вирше. – Мы с мэром Сью подумаем, что можно сделать.

– Хорошо, – кивнула довольный Вирша. И протянул мне руку. – Я рад, что мы помирились, мэр Сью…

И я, вместо того, чтобы плюнуть ему на ладонь, ответила на рукопожатие… Хотя я точно знала, что никакого мира между нами быть не может. Сердцем чувствовала. Но разум твердил, что худой мир лучше… И я смирилась.

Но когда мы разошлись, зашипела на Хараша:

– Ты зачем его позвал?! Он же мерзавец!

– Может и мерзавец, – пожал плечами Хараш. – Твой дружок фон Зиффен, тоже не образец добродетели. Но, Сью, нам нужны деньги. Нам нужна любая помощь…

– У тебя ничего не получилось?! – ахнул Луиш.

– Нет, – дернул плечом Хараш.

– О чем это вы?! – нахмурилась я. Что это еще за секреты от меня?

И Хараш, тяжело вздохнув объяснил.

– Я ездил в столицу. И раз уж оказался там, то попытался попросить отложить проверку Большого Куша еще на один год.

– И что?

– И ничего, Сью. Мне сказали, что это невозможно. Что в любом случае королевское казначейство проверит деятельность мэрии через девять, нет, уже восемь с половиной месяцев.

Хараш тяжело вздохнул. А я рассмеялась.

– Так ты из-за этого такой хмурый? Нашел из-за чего переживать. Мы ведь это и раньше знали, Хараш. И планировали просто сбежать, когда придет время. Ты же не передумал? – вот теперь я встревожилась.

Я, конечно, и одна сбегу… Лучше жить, как отшельник в горах, чем лишиться головы. Тем более, через какое-то время обо мне забудут и можно будет выйти к людям. Не здесь, в Большом Куше, конечно. Но в Ардоне много разных городов и деревень. Пусть там дурацкие правила на счет женщин, но чем выше будет забор вокруг нашего дома, тем меньше будет желающих туда залезть.

– Не передумал, – тряхнул головой Хараш, – но, Сью, если есть возможность не сбегать, а решить все проблемы честно и открыто, то нельзя ею не воспользоваться. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнула, – но, Хараш, прости, ты всего лишь секретарь. Чего ты ждал, когда пошел к ним просить отсрочку? Что они тебя послушают? – я рассмеялась. – Если бы там, – показала я пальцем в небо, – делали то, что говорит каждый секретарю, то была бы такая анархия, что мама не горюй.

Хараш вздохнул. Но качнул головой, соглашаясь.

– А Вирша мне не нравится. Я не хочу ему помогать. Но, – я снова подняла палец, – тут ты тоже прав. Фон Зиффен тоже не самый добродетельный человек, а я ему помогла… пусть даже под угрозой проверки. Каждый человек заслуживает второй шанс. И я обязательно что-нибудь придумаю для Вирши… Например, – я указала на кучу мусора у обочины дороги, – он может создать клининговую компанию и мести улицы. И порядок наведет и все свои прегрешения отработает…

– Может, – кивнул Луиш, – только, Сью, кто ему будет за это платить?

– Кто-кто? Город, конечно, – улыбнулась я.

– Фон Байрона ни за что не согласится, – заметил Луиш. – Уж я-то братца своего знаю, он за каждую копейку удавиться. И если начнет платить из городской казны за уборку, то только себе, и убирать при этом ничего не будет.

– Ага, – согласилась я. – Ты прав, Луиш. Только я не зря столько месяцев документы изучала. Накопала кое-что и на самого фон Байрона, и на отца его и на деда. Этого маловато, конечно, чтобы к ногтю прижать, но чтобы вместо «Шарашкиной конторы» уборкой занимался Вирша – хватит. Я, правда, хотела придержать свои находки, – вздохнула, – но раз уж все так

сложилось. Но Вирше придется взять нас в долю. Половину нам, половину ему. Без этого я палец об палец не ударю.

Составить бизнес-план будет довольно просто. У меня в архиве лежал договор между Большим Кушем и «Шарашкиной контрой», которая сейчас должна была убираться на городских улицах, так что ничего придумывать не придется. Там указаны и цены, и перечень работ. И карандашиком, на полях даже сумма, которую платила контора фон Байрону.

Осталось только встретиться с фон Байроном и предъявить ему найденный мной доказательства его махинаций. Тут все было довольно просто, если разобраться.

«Шарашкина контора» – была основана еще герцогом Буркингемским. И после его смерти перешла в собственность к городу по воле самого герцога, согласно составленному завещанию. Я уж не знаю, зачем он так сделал. То ли просто идейный был, то ли вино в голову ударило.

Довольно долго контора принадлежала городу, а управлял ею наемный директор. Но в один прекрасный момент, жуликоватый директор, решил прибрать к рукам золотую жилу. Пройдохи в мэрии были во все времена и при любых мэрах. И этот хитрован созвал Совет города, который постановил, что за особые заслуги перед отечеством «Шарашкина контора» переходит во владения самого лучшего управляющего всех времен и народов, господина фон Гошера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.